

**ИЛЬЯ
ИЗ
МУРОМЫ**
И.ГЛЕМБА А. ПРОХОРЕНКО
**ТРУДНОЕ
ИСПЫТАНИЕ**

Илья из Муромы

Андрей Прохоренко

**Илья из Муромы.
Трудное испытание**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Прохоренко А.

Илья из Муромы. Трудное испытание / А. Прохоренко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Илья из
Муромы)

ISBN 978-0-88-715017-3

Год 955. В черниговских лесах, в маленьком селении Десница, притаившемся на одном из притоков Десны, в семье Мелетия Славостина и Ладуньи Велесветовой родился четвертый сын, будущий богатырь, которого родители нарекают Власием. Только на двадцать третьем году жизни богатырь берет себе имя Илья, по которому станет известен потомкам по былинам и сказаниям, как богатырь Илья Муромец. О становлении Ильи богатырем, трагически закончившейся любви, а также о Руси того времени и обо всем том, что происходило в ней, приключенческая повесть «Трудное испытание» из серии «Илья из Муромы».

ISBN 978-0-88-715017-3

© Прохоренко А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Трудное испытание	5
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Андрей Прохоренко, Иван Глемба

Илья из Муромы. Трудное испытание

Трудное испытание Предисловие

Наверное, вряд ли найдутся на Украине, да и в России люди, которые бы не слышали о богатырях. На богатырскую тему сняты фильмы, мультфильмы, написано немало книг. Существует немало забав, демонстрирующих силу в поднятии тяжестей, в других силовых способностях и возможностях.

Из недалекого прошлого дошли до нас сказания о богатырях, конечно, во многом переписанные и видоизмененные и людской молвой, и теми лицами, которые стремились скрыть правду о том, чем действительно занимались богатыри, как они жили, и что же на самом деле происходило в те времена на Руси. Поэтому, учитывая сложившееся представление о богатырях, авторы вынуждены констатировать, что оно только лишь малой мерой соответствует тогдашней действительности. Современники больше имеют дело с некими доминирующими представлениями, сформировавшимися в угоду тем или иным силам и концепциям.

Основание для подобного утверждения авторам дают записки некоторых богатырей, оставленные ими для потомков с тем, чтобы хотя бы отчасти прояснить действительное положение дел, рассказать о богатырском движении на Руси, о том, чем на самом деле оно было. Ведь большинство богатырей, если они не погибли на поле брани, стали в дальнейшем волхвами, следовательно, людьми просвещенными и знающими. И это, несмотря на гонения, происходившие на волхвов во времена князя Владимира и последующих за ним князей.

Сила на людей, которых молва нарекла богатырями, сама по себе с неба не сваливалась и из земли не выходила. Сила – плод настойчивого и постоянного труда с детских лет у большинства из русичей, труда сознательного и неустанного, несмотря на жизненные коллизии. Во всяком случае, так явствует из записок Ильи Муромца – одного из богатырей, жившего в эпоху правления на Руси князя Владимира.

Илья Муромец, отойдя от ратных трудов, в возрасте пятидесяти восьми лет стал волхвом Светланом. В восемьдесят два года Илья окончательно «повесил меч на стенку», взял в руки посох и занялся лечением, обучением и распространением на Руси знания волхвов-радетелей. За такую деятельность, несмотря на прежние заслуги в отражении набегов многочисленных врагов, он подвергся гонениям. Впрочем, читая записки Ильи, лишней раз убеждаешься, что такова судьба большинства просвещенных людей, не склонивших голову перед наступлением темных времен. Это время русичи называли сумерками Сварога и гибелью Прави, поскольку родовые законы в те времена окончательно заменялись законами, принятыми в Византии. Дожил Илья до возраста ста двадцати лет и под конец жизни оставил в информационном поле Земли описание своей жизни.

В связи с тем, что в наше время идут споры: был ли богатырь Илья вообще или это собирательный образ, носил ли он бороду и какой длинны, принадлежат ли мощи в Печерской Лавре Илье и многое другое, авторы несколько слов скажут об Илье. Рост Ильи составлял 185 сантиметров. Он был атлетически сложен, широк в плечах и узок в талии, имел большой размах рук. Бороды до сорока пяти лет Илья не носил, заводил иногда в походах лишь короткую бороду. Что еще характерно, волосы Ильи были золотистого цвета, как спелая пшеница, что в кругу родичей считалось признаком не только силы и здоровья, но и особого происхождения.

Волхвы ведали, что золотые волосы – признак преемственности еще от ариев. Тело Ильи после смерти по волховскому обычаю было его учениками сожжено, так что в Лавре оно никак не могло оказаться.

Не будем утомлять читателя, тем более, пересказывать содержание книги, а предоставим слово Илье, которого людская молва нарекла Муромцем.

Итак, Русь времени окончания княжения Светослава (Святослава, но правильное это имя произносится, как Светослав, поскольку образовано от слов Свет и Слав. Славление – вид работы с энергиями света, исходящего от Солнца) – вступления на престол Ярополка, а потом Владимира. Маленькая деревушка Муром, притаившаяся в глухих черниговских лесах на берегу речки Сытницы (давнее название Десны). В тех краях родился мальчик, которого родители называли Власием. Только на двадцать третьем году Власий стал Ильей. Жизнь Ильи являет собой пример неусыпной заботы о силе и мире на родной земле. Кем только Илюшу не пытались «благодарные» потомки сделать: и иноком, и верным служакой князя Владимира, а правда-истина все равно в сторонке лежит...

Приведенный авторами текстовый массив из записок Ильи отображает его видение и понимание происходящих событий, свидетелем и непосредственным участником которых он являлся.

Глава 1

Кудес

Когда с высоты прожитых лет ты окидываешь взглядом жизнь, то тебе часто кажется, что ты видишь жизнь незнакомого тебе человека, хотя в незнакомце узнаешь себя во всех лицах с раннего детства и до старости. Меняется твое лицо, ребенок становится юношей, а потом и молодым мужчиной. Со временем морщины начинают прорезать чело. Время, что ни говори, отображает свое течение на каждом из нас. И вот я вижу себя уже зрелым мужчиной, сменившим меч на посох. Эта часть моей жизни, как всякий раз я убеждаюсь, значительно важнее, плодотворнее и содержательнее, чем годы, проведенные в боях и сражениях. А именно о них начну я рассказ. Много было пройдено, много сделано. Русь изменялась по мере моего становления и взросления. Вместе с ней менялся и я.

Сейчас мне сто восемнадцать лет. Я завершаю рассказ о Руси, о себе и своей жизни. На сердце порой становится тепло от воспоминаний. Все-таки на моем жизненном пути было достаточно успехов и временных побед, хотя случались и поражения. Уже сейчас о том, что было, слагаются песни и былины. Песенники рассказывают русичам о том, что было и не было, воспевая деяния Ильи из Муромы, приписывая зачастую мне то, чего я не совершал. Я иной раз слушаю их песни с усмешкой. Действительность, о которой я поведаю потомкам в рассказе, существенно отличается от песен, былин и сказаний. Она проста, как вкус воды в Славуте, но, одновременно, богата и полна всем тем, что присутствует в ней и создает простоту, в которой проявляется все многообразие жизни и существования.

В какой-то мере мне повезло. Я родился во время, когда на Руси свершался перелом во всем: в воззрениях на мир, в устанавливаемых порядках, в жизни и в быту. Новое приходило на смену прежней жизни и ее атрибутам. И это новое, скажу по чести, не было улучшением сложившегося положения дел. На Русь окончательно пришли и пытаются укорениться византийские порядки. Интриги, предательство, подкуп, обман, пороки, которых отродясь не было на Руси, – все это активнее входит в жизнь, изменяя сознание людей, ухудшая их и без того трудное положение. Особенно это касается землепашцев и ремесленников, жизни общин и родов. Изменения идут медленно, растягиваясь во времени на десятилетия и столетия. Я тому свидетель.

Мне немного грустно говорить об этом, но в записках, оставленных для потомков, я называю вещи своими именами, излагаю события строго в соответствии с тем, как они происходили, ничего не приукрашивая. Определенной мерой я стремлюсь несколько сглаживать острые углы, чтобы не шокировать иной раз потомков, называя черное черным и белое белым. Ведь представления среди людей, проживающих в будущем, о прошлом, мягко говоря, не соответствуют действительности, слагаются в угоду тем или иным концепциям, силам, пришедшим к власти. Им выгодно представить дело так, как им хочется для того, чтобы сохранить и упрочить сложившееся положение, в первую очередь власть и возможность паразитировать на труде, невежестве подавляющего большинства людей.

В свое время, видя, к чему идет дело, я пытался изменить положение дел, орудуя мечом, потом стал лечить, прояснять и растолковывать что и к чему, за что меня начали преследовать. Я стал не нужен, как русич, сделавший свое дело. От меня захотели избавиться, оставив лишь красивую легенду о том, как богатыри защищали границы Руси, собравшись в заставу под руководством Ильи из Муромы. Так что на некоторое время мне пришлось податься на север, где я жил с семьей в отдаленных поселениях. Тем не менее, пришло время, когда я вновь вернулся в черниговские леса, а потом перешел в Коростень. В глухих лесах к северу от Коростеня я облюбовал себе место, где и коротаю дни в обществе друзей и помощников под конец

жизни. Здесь я и занялся написанием записок о своей жизни и о том, что в действительности происходило на Руси.

Там, где я живу, меня пока что не так-то и просто достать служителям тьмы, слугам ромеев и русичам, ставшим хуже, чем ромеи. С другой стороны, я не презираю предателей и отступников, не пеняю на них, но все делаю для того, чтобы рука наемных убийц не дотянулась до меня раньше, чем я завершу свой труд.

Возможно, потомкам покажется странным, что волхв в возрасте ста восемнадцати лет представляет угрозу для кого-то, ведь по меркам потомков – я уже старик. Тем не менее, я пока еще не старая развалина. Хожу сам, пусть и медленно, опираясь на посох, а сознание мое пока еще ясно. Каждый вновь наступающий день я встречаю с радостью, расценивая его, как возможность многое сделать как для себя, так и еще больше для русичей и Руси.

Именно последние годы жизни, когда сила еще не покинула тебя, на самом деле самые плодотворные. В это время приходит понимание жизни, многих явлений и событий, которые раньше видел совершенно в другом свете. Более того, об этом я могу сказать ученикам и помощникам, приоткрыть перед ними завесу тайны и способствовать тому, чтобы они многому научились, а знающие люди еще не перевелись на Руси. Вот поэтому-то я и опасен для многих, несмотря на кажущуюся безобидность. Ведь я – живое свидетельство прежних времен, когда Русь еще была единым государством, несмотря на рознь между сыновьями киевских князей. Киев был и есть столицей единого государства, но значение Киева, его слава – уже позади.

Раньше на берегах Славуты в районе Выдубичей, Голосеева и Вышгорода жили волхвы. Сейчас уже ничто не напоминает об их присутствии. Волхвы рассеяны и изгнаны, ушли на север или на восток в непроходимые леса, но и там им нет покоя. Лишь смерть все чаще является наградой для знающих, умных и далеко глядящих мужей. С соизволения князя Владимира против волхвов была развязана война. Идет она и сейчас, хотя князя давно нет. Зато есть отряды воинов, проникающие в самые отдаленные места и уничтожающие волхвов, как бешеных животных. Нам приходится защищаться, но как бы то ни было, с каждым годом мы слабеем.

Все больше волхвов, так или иначе, переходит на сторону князей, чтобы получить индульгенцию, право на жизнь, не опасаясь, что в любой момент к тебе явятся и убьют без видимой причины. Так погибли многие волхвы. Остальные вынуждены с мечом в руках отстаивать свое право на жизнь. Неравная битва продолжается. Ее исход заранее предreshен. Тем не менее, у меня есть время не только завершить труд, но и многое сделать помимо него.

Годы, как драгоценные камни, только лишь гранятся со временем, а сознание, ум и разум становятся все выдержаннее и чище, а взор – зорче. Вот тогда на самом деле можно беспристрастно и в целом взглянуть на прожитую жизнь так, чтобы в сердце не возникало эмоциональных колебаний, а восприятие прошедших событий было четким, ясным и чистым. Для того чтобы находиться в таком состоянии чистоты сознания, пришлось готовить себя долгие годы. Именно тогда я и написал записки. Мне осталось только лишь уточнить некоторые детали и подробности.

От состоявшегося труда я испытываю удовлетворение. Придет время и в будущем смогут записанное мной воспринять, а восприняв, оформить в книги. Из записок можно составить несколько книг, но и двух будет вполне достаточно для того, чтобы получить некоторое впечатление о ратном богатырском труде и о том, что на самом деле происходило на Руси в эпоху князя Владимира.

Потомки будут жить во времена, когда правда о Руси будет полностью искажена, а сами они уже не будут русами или русичами ни по мировоззрению, ни в соответствии с энергиями в них заложенными. Код руса к тому времени просто распадется. На место Руси окончательно придет Византия с ее порядками, изощренным обманом и коварством. Двуличие и пресмыкательство в будущем станут нормой поведения, как отклонения и пороки. Здоровых людей, как

я вижу, обращая взор в будущее, вообще не останется. Мир окажется на грани катастрофы. И все это будет во многом следствием процессов, начало которых положило княжение Владимира. Впрочем, если бы не он, то кто-то другой вместо него сделал то же самое.

К концу жизни у меня окончательно рассеялись иллюзии в отношении князей и вновь устанавливаемых порядков. Есть некоторая надежда на будущее, на потомков, хотя, если честно, я бы не хотел жить в будущем, быстро умирая, отживая годы и становясь все больше мокрицей, а при этом говоря умные слова, следуя новомодным тенденциям.

Но довольно слов. Начинаю рассказ о своем детстве. Может, я некоторой мерой и резок, но такой уже у меня характер: говорю, что вижу, называя вещи своими именами.

Родился я в одном из поселений на речке Сытнице в дремучих черниговских лесах в семье потомственного землепашца Мелетия Славостина. В возрасте двадцати трех лет отец женился на моей матери – Ладунье Велесветовой. Вместе они прожили долгую, трудную, но во многом счастливую жизнь, увидев не только внуков, но и правнуков. Мать умерла первой. Вслед за ней через три года ушел из жизни и отец.

Всего у Мелетия было шестеро детей: четыре сына и две дочери. Я был четвертым сыном. Отец, хоть и относился ко всем детям одинаково, отмечал меня еще от момента рождения. Он видел во мне достойное продолжение рода, хоть и не знал, почему на самом деле так обстоят дела. Отец не был волхвом, следовательно, не был посвящен в знания. Тем не менее, волхвы сами нашли нашу семью. Волхв Кудес, когда мне было только лишь три года, пришел в Десницу, так называли родичи поселение, для беседы с Мелетием. С тех пор волхвы меня заботой не оставляли.

Отец был добрым работником, рачительным хозяином. Его хозяйство было одним из самых лучших. Дети помогали отцу даже, когда образовали свои семьи. Староста Десницы, Свирид, ставил отца в пример другим родичам. Свирид был ильей – кандидатом в волхвы, но всех испытаний так и не прошел. Тем не менее, в поселении родичи считали его полноценным волхвом. А в волховской среде Свирида уважали. Волхв Светожит к шестидесяти двум годам передал Свириду посох, признавая за ним силу и возможность вести за собой родичей, поскольку Свир в точности выполнял законы, помогал родичам и все делал для того, чтобы родовой исток не усыхал.

Община была одной дружной семьей, в которой родичи помогали друг другу. Князю платили только лишь с дыма (с дома, из очага в котором идет дым). Поборов и людей в черных рясах, жадных до чужого добра, не было. Идолов родичи не почитали, в том числе и Перуна. Жили по родовым законам и обычаям, издавна принятым в этих местах. Даже требы (подношения) разрешалось делать, как кому угодно. Никто и никого к почитанию Даждьбога, Стрибога, Макоши, или кого-либо еще не принуждал. Эти существа были больше друзьями. Со своим отношением к ним родич определялся сам. Никто ему не говорил, что и как делать, не наставлял на путь истинный. Так жили столетиями на этой земле, щедро увлажняя ее потом от прилагаемых усилий.

Врагов у родичей было немало во все времена, хотя лес в здешних местах всегда был домом и надежной защитой от набегов кочевников. К моменту моего рождения лес облюбовали для неблагоприятных дел разбойники. Постоянного места жительства они не имели, хотя родичи знали места их временного проживания. Времена менялись. Раньше разбоя не было. Родичи чтити законы, но все больше отступников становилось в наших местах, людей, которые не признавали своего рода племени, уподобляясь ромеям и диким животным, грабили и убивали. Особенно любили разбойники нападать на караваны и обозы. С ранней весны и до поздней осени промышляли они на юге, а к зиме возвращались на зимние квартиры.

По негласному закону разбойники местных жителей не трогали. Грабеж и разбой в месте проживания считался дурной приметой и бесчестным делом. Скажу честно, некоторые из разбойников с родичами поддерживали дружеские отношения, понимая, что во многом от мест-

ных жителей зависит их жизнь и благополучие. Ведь можно было доложить о местах их проживания князю или воеводам. В таком случае разбойникам надо было искать другие места. А это – всегда накладно. Поэтому главари разбойников договаривались со старостами окружающих поселений о мирном сосуществовании. Свирид не был исключением. Ему делали богатые подношения, но староста принимал только лишь оружие, и то не всегда.

Когда я родился, правил князь Светослав. Был князь по природе воином, редко проживал в Киеве, считал его городом, где трудно дышать, в котором все больше устанавливаются хазарские и ромейские порядки. Княжеская власть при Светославе была весьма условной. Всем в Киеве заправляли воеводы, ближайшие сподвижники князя и купцы, многие из которых имели свои отряды.

Купец в наше время был воином, а уже потом торговцем. Особенно это касалось торговли с ромеями (жителями Византии) и представителями других заморских стран. Заработок всегда был рискованным, хотя княжеские воины и отдельные дружины контролировали весь водный путь от Хортицы и до Полоцка. Только это не спасало от разбойников, орудовавших в здешних местах. Никто не знает, сколько кораблей вместе с товарами и экипажами бесследно исчезли, так и не добравшись до Киева от порогов. Найти же разбойников было не так-то и просто. Как правило, им помогали местные жители или кто-то из разбойников прикидывался местным жителем и жил в здешних местах, разведывая ситуацию.

Вообще, что надо отметить, Киев и окружающие его поселения вплоть до валов – были надежнее защищены, чем поселения, расположенные южнее Стугны. По Стугне (район Василькова) шел последний кордон перед Киевом, вблизи которого чаще всего останавливали набеги кочевников, хотя были кордоны и севернее. Насыпные валы, в несколько поясов охватывающие Киев, служили надежной преградой небольшим отрядам кочевников, но и они всего лишь оттягивали время, давая возможность подготовиться киевлянам к отражению набегов в случае прихода многочисленной армии. А Киев, как и другие города, были лакомым куском для степных разбойников.

Я, когда в первый раз попал в стольный град, был удивлен его многолюдностью, обилием построек и звучанием чужестранной речи, многообразием одежды и разношерстностью люда. Складывалось впечатление, что ты находишься не на исконных землях русичей, а в другом месте. Владимир многое сделал для города, пригласив в него и купцов, и архитекторов из Византии, узаконив городской совет, только все это было полностью перечеркнуто тем, что он совершит впоследствии, передав Русь ромеям, начав устанавливать ромейские порядки.

Жизнь моя до возраста семи лет ничем особым не отличалась. Я рос подвижным, здоровым и сметливым парнем, играл с детьми, частенько опережая их в играх, помогал родителям. В семь лет в Десницу явился Кудес, на этот раз, чтобы взять меня у родителей на некоторое время для обучения. Жил Кудес недалеко от Десницы в Муроме. Отец поначалу не соглашался, но потом, получив немалое вознаграждение, сообразив, что от Десницы до Муромы не так уже и далеко, отпустил меня. Тем более что негласный закон, бытовавший среди родичей, гласил: если волхв пришел за твоим ребенком, принес тебе дары, то ребенка надо отпустить с ним.

Я называю жителей лесов родичами, хотя в вашем времени их будут называть северянами. Дело в том, что все племена, а разделение на древлян, полян, уличей, кривичей было очень условное, по большей части придерживались родовых законов, строя свой уклад и благополучие на Жизне, Живе, Жизнице – энергиях, исходящих из родового истока. Род не был божеством в обычном понимании этого слова. Он был источником жизни и благополучия. Правда, ко времени моего рождения родовые законы все больше заменялись, как и энергии, законами ромейскими. Они давали высшему классу главное: возможность законно проявлять силу, делать зависимыми, даже рабами, изначально свободных и равных между собой, независимо от положения, родичей. Именно против этого и восставали в дальнейшем жители Руси, положение которых неизменно ухудшалось из столетия в столетие.

Кудес пришел за мной вместе с помощником. Звали его Мелан. В дальнейшем Мелан стал волхвом Добросветом. Кудесу, когда я с ним встретился, было уже шестьдесят два года. Он, что называется, входил в силу. Мелану было всего лишь тридцать два года. Он был ильей – так именовали сами себя мужчины, готовящиеся стать волхвами. А для этого надо было в возрасте после сорока пяти лет пройти несколько испытаний.

Как правило, волхвами становились после пятидесяти лет, но были, хоть и редко, исключения. Кудес, к примеру, стал волхвом в сорок восемь лет, что говорило о его незаурядных способностях. Этот мужчина, когда я встретился с ним, не выглядел и на тридцать пять. Силовая молодость проявляла себя в его походке, в движениях и в чертах лица, на котором не было ни одной морщины. Только лишь когда волхв хмурился, а случалось это крайне редко, на его лбу и в уголках глаз появлялись морщины.

Что-то было сходное в Мелане и в его учителе. Уже потом я понял, что сходны были энергетические оболочки, охватывающие их физические тела. Мелан был чуть выше Кудеса, широк в плечах, крепок в ногах и добр. Энергии доброты и дружелюбия, казалось, окружали его, охватывая незримиыми объятиями всех, кто попадал в сферу их действия. Кудес был еще более добродушным и доброжелательным, но в нем, как я сразу почувствовал, дремала скрытая сила, которая, пробуждаясь, вполне могла, проявившись в действиях, явить необычайный результат. Я как-то был свидетелем того, как Кудес в одиночку, крепко упершись ногами в землю, вытащил из грязи телегу, угодившую колесами в яму. А этого не могли сделать восемь здоровых мужчин, с откровенным удивлением взиравших на волхва, помогающего им.

Кудес в Муроме обучал учеников, к которым в семилетнем возрасте присоединился и я. Звали меня тогда совсем не Ильей. Отец и мать, посоветовавшись, нарекли меня Власием или Власом. Начав заниматься под присмотром Кудеса, я получил новое имя – Эльгий. И только к двадцати трем годам, пройдя очередной период обучения, я стал Ильей. Это имя я выбрал неспроста. Если честно, я уже в восемнадцать лет решил, что в любом случае стану волхвом, о чем и заявил Кудесу. Он сказал, что мое призвание, возможно, в другом, не открывая мне всей правды о себе самом. Кудес имел на то веские причины.

Тем не менее, я в двадцать два года стал полноценным ильей, в двадцать три года должен был жениться, но со мной произошел случай, после которого я не смог этого сделать. Именно тогда, когда внезапная немощь поразила меня, я дал себе зарок, что, несмотря ни на что, справлюсь с ней и найду свое призвание. Я был готов сколь угодно долго ждать, когда придет время и я, наконец, стану волхвом, пройдя все испытания.

Новая жизнь в Муроме с самого начала захватила меня, хотя, если честно, мне пришлось почти год привыкать к новым условиям. Близость отца и матери, их забота, что ни говори, – большое дело, но жена Мелана, Апракия, заменила мне мать. Я стал членом семьи Мелана, его третьим сыном. И жил первое время у него в доме до двенадцати лет. Только потом меня перевели в общую избу, где проживали ученики волхвов от двенадцати до шестнадцати лет. После шестнадцати и до двадцати двух лет проживание шло уже в других избах. В двадцать три года, если ты был готов и проходил все испытания, то мог жениться.

Да потомки, просто так, если ты полюбил или думал, что так обстоит дело, ты жениться не имел права. Волхвы, бывшие твоими ведущими, честно говорили тебе, чего тебе не хватает, чтобы дальнейшая жизнь с женщиной не стала для тебя и для нее наказанием. И к определенному времени ты обязан был наработать мужские качества, выдержку, мужество, силу, соответствующие навыки и умения. Без них мужьями не становились.

Следует сказать, что в семьях, которые создавали ученики волхвов, не было разводов. С другой стороны, если жена разрешала и была такая необходимость, мужчина мог взять себе в жены более молодую женщину для рождения сына. Но этим правом очень редко кто пользовался. Волхвы занимались личным становлением, развитием силы и способностей. В связи с этим им было не до женщин. Тем более их обязанность по продолжению рода была выполнена:

каждый волхв имел, как минимум, двух сыновей. Иначе, по условиям, мужчина, каким бы он ни был, не мог стать волхвом, не воспитав двух сыновей. По крайней мере, не доведя их до двенадцатилетнего возраста. Только после этого, как правило, к возрасту тридцати пяти, а то и сорока лет, становились ильями. Этот порядок соблюдался неукоснительно и наследовался из глубины веков. Определенной мерой справедлив он и сейчас, хотя волхвов знающих, тем более обладающих силой, становится все меньше. Вскоре, пройдет еще триста-четырееста лет, их вообще не будет.

У Кудеса была молодая жена, Ладуница. Так случилось, что первая жена рано ушла из жизни. Кудес об этом никогда мне до определенного возраста не рассказывал. Этот неувядающий и постоянно прибавляющий в силе мужчина, когда смотрел на тебя, казалось, видел и знал все о тебе и твоём состоянии. Он по праву был и старостой Муромы, и главным волхвом, которого безоговорочно слушались все родичи и волхвы рангом ниже. Тем не менее, Кудес никогда не проявлял свое право руководить и силу без весомой на то причины. Мне казалось, что этого мужчину невозможно чем-то пронять или заставить его волноваться или метаться. Внутренняя сила и устойчивость Кудеса были таковы, что он не терялся в самых сложных ситуациях, требующих мгновенного правильного реагирования. Ведь на кону зачастую оказывались жизни родичей. А жизнь для волхва была самым ценным, из того, что только могло быть. Ради этого, ради жизни, ради утверждения жизненной силы во всех ее проявлениях на самом деле и жили волхвы.

То, потомки, что вам будут говорить о якобы кровавых ритуалах и прочих магических действиях, которыми занимались волхвы, откровенная ложь и неправда, придуманная в дальнейшем для того, чтобы смешать с грязью волхвов, в особенности волхвов-радетелей, к числу которых и принадлежали Кудес и Мелан. Вообще волхвы-радетели шли тропой силы и знания. Благодаря их заботе я стал со временем не только отважным и умелым воином, но и лекарем, ведающим русичем. Вот только ведание это, особенно, когда открывались вежды или способности воспринимать миры тонких энергий, видеть течение токов в себе, в окружающих людях, в природе, становилось все больше наказанием для видящих.

Дело в том, что война между магами Византии и Рима и волхвами-радетелями, война невидимая обычным глазом, шла тысячелетиями. И в этой войне волхвы медленно, но неуклонно сдавали позиции. На то было много причин. Главная из них та, что высший класс близкий к князьям, воеводы, их ближайшие помощники, ростовщики, большая часть купечества была заинтересована в смене исконных обычаев русичей на ромейские. Это давало возможность править без каких-либо ограничений. Власть и сила повелевать так, как захочется, не считаясь с нуждами и потребностями других, все больше увеличивая ограбления большей части русичей, – вот, что было главной целью находящихся у власти. И на этом пути такие мелочи, как смерти сотен и тысяч людей никого не волновали. Власть, как средство обеспечения себе положения и принуждения к повиновению других в соответствии с ромейскими законами, – вот чем на самом деле занялся Владимир, как только стал князем и год провел на престоле.

Я же, рассказывая об обучении, не могу не упомянуть случай, круто изменивший историю Руси. Впрочем, если он не произошел бы, то было бы что-то другое, возможно, еще более кардинально изменившее положение дел. С другой стороны, случилось то, что случилось: погиб князь Светослав, что стало причиной длительной распри между тремя его сыновьями. В положении дел совсем не случайно лучше всех сориентировался Владимир, сын Светослава от ключницы Малуши, который после междоусобицы пришел к власти. Я в это время без устали упражнялся в самых разных искусствах, совершенствуя навыки.

Когда погиб Светослав, убитый печенежским каганом Курей, мне исполнилось только лишь семнадцать лет. Я был проворен, шустр и рад жизни во всех ее проявлениях. Учителя в

целом удовлетворялись моими успехами, хоть ничего мне не говорили. Только в глазах Кудеса и Мелана время от времени проскакивали радостные огоньки.

Если честно, то между учениками волхвов было не принято хвалить кого-то. Похвала считалась неуместной. Ругать, тоже не ругали и не распекали, считая подобное поведение недостойным русича. Могли наказать, но по делу. В основном наказанием были дежурства по поселению чаще обычного или такие работы, как сбор веток, мытье казанов, помощь женщинам по хозяйству, уборка. Какое-либо наказание в виде побоев среди волхвов запрещалось. Если кто-то видел хотя бы намек на насилие или жестокость, то сразу же это становилось известным. Кудес в таких случаях был строг. Незадачливый учитель мог лишиться не только места, но и предстать пред волховским кругом для дачи пояснений.

Бывали такие случаи, что волхвов или их помощников не только отстраняли от преподавания, но и лишали звания волхва, учитывая, что в нем поселилось зло, все больше проявляющее себя. Отщепенцев и изгнанников из волховской среды становилось все больше. Из их среды возрастали доморощенные маги, ворожбиты и колдуны, пособники ромеев, готовые на все для того, чтобы сеять семена тьмы и способствовать на Руси становлению Византии. Эту стратегическую задачу всеми доступными средствами решали ромеи, которые были посвящены в тайные науки. Круг магов, собравшись возле василевса, правил Византией. Василевс был лишь верхушкой, лицом, иногда не принадлежавшим даже к этому кругу, но в любом случае послушно выполняющим его волю. Иного быть не могло.

Черные маги полностью взяли управление Византией в свои руки. Их помощники и представители были везде. Рим передал Византии первенство для того, чтобы, используя его методы и приемы, ромеи могли расширить свое влияние на как можно большее число народов и территорий. И дело это крепло и ширилось. Тьма наступала, рядясь в миссионерские одежды, всячески распространяя свое влияние, подрывая сложившиеся тысячелетиями устои.

С племенами, живущими в Европе, и так все было ясно. Римский орел давно уже сел на головы их лучших представителей, вождей своих народов, проклевывая им мозги в прямом и в переносном смысле. Теперь оставалось дело за Русью. Однако русский корень был и в мою бытность еще очень силен. Нужны даже не столетия, чтобы окончательно разложить его, чтобы из свободных пока еще русичей сделать рабов от рождения, не знающих своего рода племени, поклоняющихся Византии и темной силе. Впрочем, спешить магам и их представителям некуда. Ко времени, когда потомки прочитают мои записки, дело Рима и Византии будет фактически завершено на землях, которые назывались Русью еще от времени правления Руса, отца Кия. На них не станет русичей, а появятся тени, не знающие ни собственных истоков, ни деяний предков.

Поэтому я, хотя бы отчасти стремясь устранить укоренившееся в будущем невежество, под конец жизни засел за письмо. Замысел описания своей жизни и событий, происходящих в это время на Руси, созрел у меня уже в возрасте семидесяти лет, когда я отошел от воинских трудов, когда пришло понимание необходимости этого дела. Реализация замысла началась только лишь после девяноста лет в перерывах между не менее значимыми для меня событиями. Поэтому у меня было время детально разобраться с причинами многих событий, увидеть их изнанку.

Конечно, не очень приятно, видеть истинную подоплеку чего-либо. Но есть необходимость. И эта необходимость является для меня ориентиром, чтобы не подавать потомкам в записках слезливую кашу, от которой льются чуть ли не слезы умиления, а сказать хотя бы отчасти правду. Возможно, тогда хотя бы что-то изменится в будущем, когда весь мир подойдет к опасной черте, за которой под ногами человечества разверзается бездна.

К шестнадцати годам я уже многое умел. Силенок, конечно, еще не хватало, но настойчивый и повседневный труд делал свое дело: я становился все умелее и ловчее. При этом нас волхвы и их помощники не накручивали и не принуждали к какой-либо работе. Само понятие

лодырничанья и лени исключались, поскольку в любое время года, кроме зимы, надо было трудиться, иначе не видать тебе сытной зимы, когда можно было отоспаться за все недосыпания, но, как правило, так не происходило. Ты находил себе много самых разных занятий, особенно, окруженный сверстниками. Друзей у меня было не так и мало среди сверстников и старших учеников, которые зачастую брали над младшими отроками шефство.

Деревянными мечами и копьями я орудовал с семи лет, с нетерпением ожидая времени, когда, наконец, смогу взять в руки настоящий меч. До шестнадцати лет моим неизменным оружием были длинная палка-посох, деревянные меч, щит и копье, а также лук со стрелами. С ними я упражнялся, отрабатывая удары и движения так, как нам показывали. С другой стороны, подобным действиям в обязательном порядке предшествовала психологическая подготовка. Без нее любое движение – забава или развлечение, если в нем нет силы. А сила – главное, что позволяет движению достичь нужного результата.

Махать мечом или палкой можно сколько угодно. Попробуй попасть или с первого раза добейся действием нужного результата. Поэтому каждый отрок от момента прибытия в Мурому закладывал своими действиями в себя силовые энергии. Как это делалось, по известным причинам не привожу. Скажу лишь, что сила стала с некоторого времени для меня определяющим началом в жизни. Самовоспитанию в духе силы я посвятил всю свою жизнь без остатка, став жить силой естественным образом. Поэтому и дожил до нынешних лет. Так что ничего случайного в моей жизни не было. Сила, которой я владел, – плод постоянных усилий и забот о том, чтобы она должным образом проявлялась.

Мне повезло с учителями. С семи лет меня тренировали люди сведущие, одни из лучших наставников не только на Руси, но и на Земле в свое время. Кудес был поздним сыном Велеса. При князе Олеге слово Велеса, как волхва, возглавившего круг волхвов-радетелей, было ведущим. Олег и сам был отчасти волхвом, иначе он не занял бы Киев и не собрал бы войско, которое это могло сделать. Только учитывая силу, которая шла за Олегом, Аскольд согласился вести с ним переговоры, намереваясь при этом расправиться с Олегом. Олег, которого в вашем времени будут называть еще Вещим, оказался проворнее Аскольда. К тому времени Аскольд, как князь, потерял всякое доверие народа. В Киеве начались волнения. Так что появление Олега было очень даже своевременным.

Тогда же некоторой мерой было восстановлено вече, упраздненное Диром и Аскольдом. Велес же среди народа имел, наверное, наибольший авторитет, чем кто-либо из волхвов, за что на его голову и посыпались беды одна за другой. Как только ты стал известным, начинаешь входить в силу, иметь существенное влияние на ситуацию, жди беды. Враги и противники не замедлят проявить себя.

Надо иметь очень крепкий корень, чтобы на протяжении нескольких десятилетий выдерживать подобное давление со стороны врагов, скрывающихся под масками друзей, ромеев, хазар, их прихлебателей и союзников. Велес смог это сделать, пусть и большой ценой. Он прожил всего лишь сто двенадцать лет, почти шестнадцать лет проводя в особом состоянии, при котором спал. В это время работу производили его тонкие оболочки. Переоценить вклад Велеса в сохранение Руси сложно. Если бы не его усилия, Русь давно бы уже распалась на отдельные государства, правители-князья из которых враждовали бы друг с другом.

Несмотря на то, что Велес возглавил круг волхвов-радетелей на Руси, он ко всему прочему был еще и учителем, подготовив преемников, одним из которых был Ярослав, занявший со временем место Велеса, когда тот отошел от дел. Так что волховская традиция на Руси только лишь окрепла, несмотря на все усиливающиеся попытки насадить чуждое родичам семя, оторвать их от корней, уходящих на тысячелетия в прошлое. Враги Руси, правда, время даром не теряли, готовя приход к власти князей, которые бы провели в жизнь нужные для них законы. Честно говоря, Русь уже во времена Олега была самым мощным государством в Европе, которое могло при надобности выставить сразу несколько армий. Ромеям, хотели

оно того или нет, приходилось считаться с мощью русов. К Олегу ромеи не сразу подобрали ключи. Князь-волхв долгое время был им не по зубам, но всегда находится щель, в которую, просунув инструмент, можно пробраться внутрь.

Не конь погубил Олега, а женщина в образе змеи. Поздний брак по любви, как думал князь, быстро лишил князя сил. Когда Олег понял, в чем причина, было уже поздно. Князь лишился изнутри защит и наработок, стал больше похож на тень, хоть и погиб в походе. Честно говоря, в данном случае опять имело место предательство. Так уже на Руси повелось, что все основные неблагоприятные дела, которые потом называют судьбоносными и достойными наследования, свершаются путем обмана и предательства. Это справедливо и в отношении Игоря, к убийству которого имела отношение Ольга, ставшая впоследствии княгиней. Вашими словами говоря, Игоря «заказала» Ольга, желая вместо него править. За это, наверное, ее и отметят, причислив в будущем, как я вижу, к лику «святых». С другой стороны, ромеям было не привыкать черное называть белым, смиренно что-то просить у бога, а чуть отойдя, убивать конкурентов, уничтожая их мечом и огнем. В этом плане мир не меняется, а подобные действия якобы угодны богу.

Яросвет и Яромир – два ведущих волхва, ученика Велеса, обучали Кудеса. И надо отметить, что Велесово семя не ослабло и пока еще не выродилось, хоть и будет принято говорить в вашем мире, что природа на детях выдающихся личностей отдыхает. Сын Кудеса Ясновид, его внук Велигор – стали волхвами. Сам же Кудес был во многом на Руси основателем и духовным наставником богатырского движения, несмотря на годы, о чем я и поведаю по мере описания дальнейших событий.

Кудесу я благодарен за то, что вновь начал к тридцати годам ходить, используя время с двадцати трех с половиной лет почти до тридцати для специальных тренировок и практик. Так что я не зазря и не просто так сидел шесть лет на печи, не в силах передвигать вес тела на двух ногах. Зато работал руками и головой. А это, как потом показало время, оказалось моим преимуществом. Правда, его еще надо было использовать.

Годы, если честно, пронеслись очень быстро. Юность и молодость минули, не задерживаясь, зрелость наградила меня и новой женой, и временными победами, авторитетом и положением среди друзей (друзей-товарищей). После некоторого вступления хочется сразу же перейти к описанию событий, ставших определяющими в моей жизни. О них расскажу в следующей главе.

Глава 2

Гибель Светослава

Чтобы более точно и полно рассказать как о следующем периоде моей жизни, так и о событиях, происходящих на Руси, надобно, как мне видится, поведать о смерти князя Светослава, поскольку его гибель завершает один период жизни на Руси и начинается другой, явивший начало заката русов. Потомки, как я вижу, будут придерживаться несколько иного мнения, опять-таки, сформированного в угоду правящей касте и «стройным» концепциям. Мне же врать и приукрашивать действительность незачем. Говорю, как есть, имея возможность сравнивать, что было и что имеется на данный момент. По свету успел побродить вдоволь. Был в Византии и в Риме, где только не воевал, проявляя силу, пока не понял, что война, как бы она не велась и какое бы правое дело не защищала – в любом случае есть проигрыш для всех воинов, в ней участвующих. Если, конечно, не знать, как после нее восстановиться, чтобы обрести новую жизнь. Мне удалось это сделать, но тысячи безвестных героев пали, защищая родную землю или на чужбине. Ведь русичи воевали везде, поскольку воинами были умелыми и отважными.

Итак, ближе к началу осени, когда мне исполнилось шестнадцать лет, состоялся разговор с Меланом, который как бы невзначай заметил, что я почти готов для того, чтобы получить в руки настоящее оружие. Деревянное оружие, признаться, мне давно уже надоело. К тому времени я уже на уровне орудовал мечом, без промаха пускал стрелы в цель, в общем, считал себя вполне готовым к тому, чтобы ощутить в руке настоящий клинок.

Конечно, Мелан знал о моих чаяниях. Ничего я не хотел больше, чем собственный меч. Мелан воспитывал меня, как сына. Разницы между его родными детьми и мной я не чувствовал. Мы были друзьями, а я делал все работы по дому и хозяйству, о которых мне говорили Мелан и его жена. Мелан научил меня пахать. Под его руководством я обрел силу и крепость в ногах, когда, по давней традиции русичей, учился стоянию на пеньках. Только эти пеньки были не простые. Они по мере того, как ты обучался обретать опору, «росли», словно грибы. Я сам выкапывал бревна вместе с товарищами из земли и снова зарывал их, чтобы потом ходить по ним, приседать и делать на пеньках специальные упражнения.

Скажу сразу, это было непросто. Когда я видел старших учеников, которые на высоте в половину человеческого роста на столбах не только стояли, но еще и умудрялись сражаться между собой, я не верил, что у меня когда-либо получится что-либо подобное. Тем не менее, получилось. Я мог даже больше, чем они, развив чувства и внутреннее видение настолько, что к шестнадцати годам, завязав повязкой глаза, быстро передвигался по торчащим из земли столбам. Больше половины учеников волхвов легко перебежали по столбам, чувствуя на высоте себя вполне комфортно. Для этого надо было однажды превозмочь самого себя, перейти барьер, после которого ты осознавал, что не ступить в место, на которое можно твердо опереться, ты не можешь. Знание и чутье опоры проявлялись настолько сильно, что промашки быть не могло.

Конечно, тренируясь, я не один десяток раз падал. Поэтому тренировались парами или тройками. Один ходил, другие ученики его страховали. И это был только лишь один из тренажеров, на которых занимались ученики в Муроме. У каждого были свои любимые принадлежности: свитые из ивняка корзины, разной длины и диаметра колоды, мешки, набитые землей, которые таскали на себе и многое другое. В корзины забрасывались камни или земля. С ними приседали, ходили в полуприсяди, как и с колодами. При этом волхвы-учителя не допускали к работе с тяжестями, если видели твою неготовность к такому времяпрепровождению.

Как бы то ни было, но в обязательном порядке один из волхвов или старших учеников присматривал за нами. Случались, правда редко, травмы, но они, как правило, сразу же устра-

нялись. Наша подготовка была такова, что к восемнадцати годам я уже умел перевязывать раны, мог вправить вывих или простейший перелом. Знал свойства трав, деревьев и минералов, костей разных животных и умел из них готовить снадобья, правильно сочетать для достижения того или иного эффекта.

Я не был пока лекарем, но к двадцати трем годам каждый юноша обязан был усвоить минимум знаний для того, чтобы в случае ранения помочь и себе, и товарищу. Знания же и умения, которыми владели волхвы меня и вовсе потрясали. Хотя, как оказалось позже, они тоже не все могли делать в наступающих сумерках. По-иному мне сложно охарактеризовать то, чему я был и остаюсь свидетелем. Умопомрачение, как говорил Мелан, заразно, особенно, когда его умело направляют. Я не понимал его слов до тех пор, пока не столкнулся с действительностью, пока не явился в стольный Киев, не посмотрел на жизнь тамошнего люда, не познакомился с князем Владимиром и его ближайшими сподвижниками и не сделал для себя далеко идущих выводов.

В Муроме мне было все знакомо. Я привык здесь жить, давно не скучал по родному дому, хотя каждый год исправно навещал родителей, а иногда, особенно, когда стал старше, помогал им весной пахать и сеять, а в конце лета собирать урожай. И дневного перехода не было от Муромы до Десницы. Я же мог ходить без усталости днями. Волхвы научили меня разным типам ходьбы и бега, а также преодолению на бегу самых разных препятствий и преград. Я легко перепрыгивал через лежащие деревья, огибал на бегу опасные места, зная, что там находится, когда нужно делал кувырки и сальто вперед и назад, считая, как и любой ученик волхва, это само собой разумеющимся делом.

Также моим оружием была длинная палка-шест. Ею к двадцати годам я владел на уровне, никогда не расставался, беря с собой. Если уметь владеть палкой, то ею вполне можно было отбиться от меча в случае нападения. Я же с шестнадцати лет тренировался в парах со сверстниками, работая тренировочным оружием. Раньше волхвы к этому не допускали, считая, что у тебя недостаточный контроль движений, а сознание слишком подвержено эмоциям и азарту. Воин, который бьется с ненавистью или злобой, с желанием победить противника, всегда проигрывает равному по мастерству противнику. Здесь дело в психологии, в понимании и в уяснении самых простых на первый взгляд, но на самом деле достаточно сложных вещей.

В поединке не должна ставиться задача победить противника во что бы то ни стало. Подобные установки оборачиваются проигрышем для бойцов, которые им следуют. Уместнее такая постановка вопроса, как максимально полное проявление всех навыков и умений, выражающееся в силе и в должном отношении к противнику. А оно должно быть ровным и спокойным, полностью лишенным эмоций, тогда у тебя появляются неплохие шансы обрести победу. Все остальное надо отмести, как ненужное, поскольку забота о том, как ты выглядишь, негодование, самомнение и тому подобные отклонения только лишь мешают. Важно уяснить: когда перед тобой противник, у тебя есть только лишь голова, руки, ноги, обретенные навыки и умения. Мнения о себе не должно быть. Ты обязан проявить отвагу, смелость, находчивость и силу. Ибо без них не видать победы.

Так нас учили. Конечно, я говорю лишь о краеугольных камнях подготовки, без которых невозможно достижение конечного результата. Я отмечу для потомков, что нас не гоняли, не заставляли к чему-либо подходить через силу на пике возможностей. В конечном итоге такая практика только лишь истощает воина, делая из него вялую лошадь.

Воин, о чем я заботился с детства, в любой момент обязан смочь проявить силу. Он так живет, чтобы быть готовым, когда нужно сразаться столько, сколько необходимо. И в этом он в первую очередь должен отдавать отчет себе сам. Если же ты сам себя не контролируешь, то это делает за тебя кто-то другой. Контроль и отдача отчета в проявлениях выходили в любых действиях на первое место. Без них любые упражнения с оружием – махание руками и развлечение.

Важнее, когда ты отдал отчет о проявлении в тебе чего-либо, на основании чувств сделать правильный вывод, учтя изменение ситуации, перестроиться, возможно, завершить дело, которым занимаешься. С семи лет нам никто не говорил, что делать, как наносить удар кулаком или мечом. К этому мы доходили сами, глядя на старших товарищей, слушая подсказки волхвов. Среди волхвов не было принято подавать команды по типу: делай раз, делай два. Подобная практика растит зависимых людей, которые головой не думают, а по чьему-то окрику выполняют, как заведенные, те или иные движения. И кто из них вырастет? Только лишь послушные исполнители чужой воли, не соображающие, что и для чего они делают, зачем вообще производится движение, какой в нем скрыт смысл и что должно в процессе его выполнения проявляться.

На самом деле то, о чем я говорю – основная работа по обретению опоры на себя, должных навыков и умений. К двадцати трем годам, например, я уже одинаково умело владел оружием любого вида, мог голыми руками справиться с двумя-тремя вооруженными людьми, на среднем уровне владеющими мечами и копьями. Говорю об этом без хвальбы, как о данности и о сложившемся к определенному моменту положению дел. К двадцати трем годам я стал одним из самых лучших учеников волхвов, наглядно демонстрирующим все то, чему можно научиться под умелым руководством и каких успехов достичь. Вот только, скажу честно, работе с энергией силы меня тогда почти что не учили. Кудес, поглядывая на меня, молчал. Волхв только лишь усмехался, глядя на то, как я тренируюсь и проявляю в действиях силу и сноровку. Он чего-то ждал, но чего? Понимание этого пришло позже. До определенного момента я вообще не думал, что со мной может произойти что-либо подобное обездвиживанию...

Я тороплюсь, спеша приоткрыть перед потомками завесу некоторой тайны. Той осенью я случайно подслушал часть беседы Кудеса, Мелана и Серага. Волхвы неспешно обменивались мнениями по поводу складывающейся на Руси ситуации под сенью величественного дуба, произраставшего на окраине Муромы.

Эту беседу, ставши волхвом, я не раз воспроизводил, вслушиваясь в слова волхвов, поскольку во многом она была знаменательной, проясняя ситуацию, складывающуюся вокруг князя. Светослав уже тогда, приняв условия ромеев, попал в ловушку. Еще больше подставил он себя под удар, когда решил не идти с воеводой Свенельдом полями на Киев от устья Дуная, а попытаться добраться на ладьях до устья Славуты, а оттуда подняться вверх и перезимовать в Белобережье (район Херсона).

На первый взгляд решение Светослава, если не знать причины, выглядело, по крайней мере, странным. Ведь с ним было много раненых, которые не могли идти маршем на Киев. К тому же и ладей у князя было не так и много. Часть войска плыла на ладьях вдоль побережья, а часть, самые боеспособные отряды, шли по берегу. Никто не знал, зачем Светослав отправился с меньшей частью дружины после сражений в Болгарии таким обходным путем на Русь. Ведь для того, чтобы подняться вверх по Славуте, надо было перетащить волоком ладьи мимо порогов. А это, потомки, и без нападения неприятеля не такое уж и легкое дело. Именно на переходе, когда часть воинов перетягивала суда посуху, князя атаковали печенег. Возможности выжить в лютой сече у Светослава не было. Большая часть воинов была убита. Единицы выжили.

Что немаловажно, Светослав успел сделать то, за чем явился к порогам: поговорить с Хортицкими волхвами и служителями Перуна. То, что ему было сказано, повергло князя в некоторое уныние. И волхвы, и перны (служители Перуна) в один голос утверждали, что Владимир, сын Малуши, перевернет Русь верх дном, насаждая ромейские порядки. Светослав был смущен. Сбывалось пророчество, озвученное ему одним из своих первых советников, волхвом Смеяном. Волхв прямо сказал, что Русь, когда к власти придет Владимир, ждут трудные вре-

мена. Конечно, всей правды Смеян не поведал Светославу, понимая, что его возможности, как князя, изменить исход равны нулю.

Смеян был давно отстранен от Светослава. Возле него находились совсем другие лица. В силу при князе вошел Свенельд, его первые помощники. Зачастую реальной власти было больше у них, чем у Светослава, который мало чем отличался от обычного воина. За это его любили и уважали дружинники, готовые пойти в огонь и в воду за князем. Вот только после тяжелейших боев и испытаний, которые пришлось выдержать в Болгарии, сражаясь против войск, посланных василевсом Цимисхием, воины устали. Раненых было много. Светослав остался с ними и с частью дружины, решив вернуться по весне в Киев, а по дороге переговорить, воспользовавшись случаем, с волхвом Радомиром, возглавлявшим Хортицких волхвов, а также перном Сатрожем.

Беседы состоялись, только один из помощников пернов, Куин, по предварительной договоренности с печенегами сообщил им о встрече князя с пернами и с волхвами. Он же нанял людей, которые втайне сопровождали князя, следуя за ним на расстоянии. Не дремали и печенежские разведчики. Все действия князя были видны с некоторого времени, как на ладони. Уже тогда у Светослава не было возможности избежать неравного боя. Печенежский каган Куря получил за голову Светослава очень большие деньги, а еще большие обещания Феофила, который с посольством прибыл к нему в конце лета.

Феофил был опытным дипломатом и без труда убедил Курю убить Светослава, обвиняя его в том, что это он подставил печенегов в битве с ромеями. Тогда печенеги, заманенные в засаду, трупами устелили поле. Потери в их рядах были очень большие. Только Светослав не имел к поражению печенегов отношения, равно как и не смог своевременно прийти им на помощь. Также Феофил намекнул Куре, что до определенного времени следует изображать из себя друга русичей. Ведь, по сути дела, Светослав с малой дружиной возвращался домой по территории, контролируемой печенегами. И некоторые каганы малой руки, и предводители отрядов говорили со Светославом, уверяя его в том, что Куря разрешил проход по своей земле, что он – все еще союзник русичей.

Светослава было трудно одолеть в битве. Русичи были храбрыми и отважными воинами, но, когда в стане созревает предательство, храбрость бессильна, как и отвага. Светослав получил гарантии безопасного прохода, но до определенного времени. Черный коршун уже с лета следовал за ним. Ромеи никого так не опасались, как Светослава, учитывая его опыт полководца и силу русских воинов. Поэтому опасного противника следовало нейтрализовать любым путем, что и осуществил Куря, который, впрочем, не получил всего, на что рассчитывал. По иронии судьбы Куря был убит одним из своих же помощников ударом в спину. Его убрали, расчищая путь к власти другим каганам. И, надо сказать, тоже по указке из Византии.

Можно резюмировать, что предательство рано или поздно, возвращаясь, ударяет по тем, кто его замыслил и осуществил. Светослав стал жертвой интриг. И это было выгодно на самом деле не только ромеям, но и многим людям из его ближайшего окружения, тому же Свенельду, который только лишь упрочил свое положение на вершине власти после смерти Светослава. Ведь иметь дело с Ярополком и другими сыновьями Светослава было легче, чем со Светославом, который был неуступчив, проводил свою линию, и ни за что не хотел, что особенно злило ромеев, принимать из их рук христианство. К распятому на кресте «богу» Светослав, мягко говоря, относился скептически. Он никак не мог понять, как можно поклоняться человеку, который дал с собой такое сделать, не защитил себя.

В понимании Светослава для воина преклонение перед распятием было глупостью и проявлением слабости. Князь не понимал, не хотел понимать, что на самом деле ромеи на этот случай все предусмотрели, что адские муки, страдания и прочие тяготы были суждены простолюдинам, а что касается высшего класса, то им все прегрешения прощались, особенно, если заплатить за это звонкой монетой. Двойная и тройная мораль пока еще не были присущи Све-

тославу, который был прямодушен и честен. Князь-то и в Киеве не хотел жить по причине того, что ему было «душно» от интриг, наветов, приемов, которые он, как князь, обязан был проводить. Слишком много в Киеве было сил, которые хотели его использовать.

Светослав, разорив и уничтожив Хазарию, оказался бессилен перед тем, что большинство хазарских купцов и ростовщиков поселились не где-нибудь, а в Киеве, в близлежащих к нему городах. Он только лишь начинал понимать, что мечом, как бы ты сильно не хотел, не решишь проблем. Воюя далеко в Болгарии, князь ничего не смог сделать с печенегами, которые едва не захватили Киев. Только хитрость позволила избавиться от непрошенных гостей. На местах же, пока Светослав воевал далеко от дома, все отчетливее укоренялись новые порядки, требовавшие все большего подчинения общин власти вновь объявившихся хозяев жизни, коими были воеводы, некоторые сотники, другие важные лица.

Не буду скрывать и того, что, без преувеличения, пол-Киева по факту скупил хазарские ростовщики. Им были должны все слои населения. Но проблема была в том, что те же ростовщики купили в буквальном смысле слова признательность к себе княжеского окружения. Ими были подкуплены почти что все без исключения знатные воины.

Киевским хазарам Светослав, разоривший их родину, был не нужен живым, поскольку он не хотел распространения византийских законов, представлял угрозу, так как вполне мог силовым решением отменить взимание сверхпроцентов по долгам. А покушение на свое обогащение ростовщики не могли допустить, ведь это лишало их не только доходов, но и влияния. Поэтому еще накануне похода в Болгарию Светослав стал ненужным многим лицам из ближайшего окружения. Его смерть была только лишь делом времени. Слишком князь был честен и однозначен в решениях, стараясь называть вещи своими именами, мешая обогащаться сомнительным личностям.

Когда волхвы уселись под дубом, Кудес сказал, чтобы я принес ему водицы напиться. Я исполнил поручение. Волхв, как-то странно посмотрев на меня, сказал тогда:

– Сядь невдалеке. Мы побеседуем, а потом тебя позовем.

Я присел, а Кудес, взглянув на Мелана и Серага, сказал:

– Время Светослава подходит к концу. Князь завершает жизненный путь. Подсказать ему, что делать, некому, да и не послушает. Я бы и сам пошел бы к нему навстречу, да только и это учтено...

– Старшим князем станет Ярополк, но он еще молод. Значит, кто-то будет помогать ему править. Скорее всего, Свенельд, – предположил Мелан.

Кудес ничего не ответил. Его мысли тогда были далеко. Что он видел, я узрел только лишь под конец жизни. Волхв видел жизненные пути Владимира, Ярополка и Олега, – трех сыновей Светослава от трех разных женщин и видение это радости ему не доставило. Спустя короткое время волхв вздохнул, как бы стряхнул с себя видение.

– У Ярополка жизнь короткая. У Олега еще короче. Смерть уже стоит подле них. Владимиру суждена жизнь долгая. Русь во время его княжения изменится. Крест сменит прежних богов. Перун тоже не устоит. Волхвов будут преследовать, как бешеных собак убивать. Так я увидел.

– Но за что? – спросил Сераг.

– Ты знаешь ответ. Мы слишком много знаем, ведаем, что произойдет. А тот, кто обладает знанием, пусть даже и в несколько искривленном виде, – опасен для князя и для миссионеров. Родичи – работать должны. Мы же мешаем уже тем, что есть.

– Смертоубийство угодно богу христиан? – переспросил Мелан, уже зная ответ.

Кудес вначале не ответил, задумавшись, только лишь потом вскользь заметил:

– Еще больше тем, кто выступает от его имени. Византия и ее посланцы не остановятся ни перед чем. Перед падением Византия распространит свое влияние на Русь и перейдет на наши земли. Пройдут столетия, прежде чем это случится. Так я вижу.

– Может, я пойду навстречу князю, если ведомо, как он будет возвращаться? – предложил Мелан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.